

Юрий Буйда

Сторублевый поворот

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Буйда

Сторублевый поворот

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буйда Ю. В.

Сторублевый поворот / Ю. В. Буйда — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

«...На могиле отца выросла тыква: Дмитрия Ивановича Старикова похоронили в старом пиджаке, карманы которого были набиты его любимыми тыквенными семечками. Он грыз их с утра до вечера, заплевывая шелухой все вокруг. Наталья Ивановна, его вдова, разрывалась на части: готовила еду для поминок, выпросив у соседей займы четыре кило говяжьих ребер, носила на кладбище самогонку и закуску для могильщиков, долбивших мерзлую землю, ругалась с оркестрантами, которые заломили неподъемную цену за то, чтобы сыграть три раза Шопена, плакала в похоронном бюро, где надписи на траурных венках сделали с орфографическими ошибками, кормила поросенка, дочь и кур, бегала по соседям, умоляя их прийти пусть не на кладбище, так хоть на поминки, в общем, ей было не до того, чтобы проверять карманы мужа, лежавшего тут же, в доме, в гробу не по росту, поставленном на стол посреди тесной гостиной, где с низкого потолка свешивалась пластмассовая люстра «каскад» — ее висюльки чуть не касались носа покойника...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90768-7

© Буйда Ю. В., 2016
© Эксмо, 2016

Юрий Буйда

Сторублевый поворот

...мерою человеческой, какова мера и Ангела...
(Откровение, 21:17)

На могиле отца выросла тыква: Дмитрия Ивановича Старикова похоронили в старом пиджаке, карманы которого были набиты его любимыми тыквенными семечками. Он грыз их с утра до вечера, заплевывая шелухой все вокруг. Наталья Ивановна, его вдова, разрывалась на части: готовила еду для поминок, выпросив у соседей займы четыре кило говяжьих ребер, носила на кладбище самогонку и закуску для могильщиков, долбивших мерзлую землю, ругалась с оркестрантами, которые заломили неподъемную цену за то, чтобы сыграть три раза Шопена, плакала в похоронном бюро, где надписи на траурных венках сделали с орфографическими ошибками, кормила поросенка, дочь и кур, бегала по соседям, умоляя их прийти пусть не на кладбище, так хоть на поминки, в общем, ей было не до того, чтобы проверять карманы мужа, лежавшего тут же, в доме, в гробу не по росту, поставленном на стол посреди тесной гостиной, где с низкого потолка свешивалась пластмассовая люстра «каскад» – ее висюльки чуть не касались носа покойника. В конце концов на кладбище собралось человек двадцать-тридцать, включая могильщиков и оркестрантов, и все прошло довольно гладко, невзирая на снегопад, и на поминках никто не напился до безобразия и не подрался, а весной на могиле выросла тыква, и соседи ехидно ухмылялись, и Наталья Ивановна снова оплакивала мужа, над которым смеялись даже после его смерти...

С этой тыквы все и началось, и всякий раз, когда ее жизнь рушилась, Тина вспоминала эту постыдную тыкву, вспоминала те похороны, ту метель, от которой никак было не отвернуться, не спрятаться, пьяненьких музыкантов, вразнобой игравших траурный марш, растерянную и заплаканную мать, которая то снимала обручальное кольцо, то надевала его на узловатый безымянный палец, вспоминала то лето, когда стало известно о злополучной тыкве, о том, как мать схватила мотыгу, ведро, пачку поваренной соли и бросилась на кладбище. Часа полтора она ожесточенно резала, рубила и копала, а когда поняла, что ей не под силу вытащить основной корень, углубившийся в землю метра на полтора-два, высыпала в ямку килограмм соли, полила водой, вернула могильному холму прежнюю форму, села, перекрестилась и заплакала... И плакала до тех пор, пока не встретила Савву Колдуна, с которым жила до весны, а когда Савва решил порвать с ней, позвала на помощь двенадцатилетнюю Тину, взяла ее за пальчик и стала шептать что-то ласковое на ухо, и шептала, и держала за пальчик, и целовала в щечку, пока Савва лакомился ее дочерью...

И вот спустя почти тридцать лет после смерти отца она снова вспоминала о тыкве. Сидела в своем рабочем кабинете на семнадцатом этаже небоскреба, пила виски, курила, таращилась в окно на ночную Москву, и по лицу ее текли слезы. Сидела в кресле без юбки, со спущенными ниже колен трусиками, в разорванной блузке, из которой вывалилась голая грудь, и думала о тыкве, об этой чертовой тыкве, а когда стряхивала пепел в тарелку, взгляд ее падал на две пуговицы от блузки, валявшиеся на ковре рядом с окурком, который бросил на пол один из насильников, кажется, самый высокий, тот, что поставил ее на колени...

За полчаса до полуночи она объявила, что покидает свой пост, и подняла бокал за процветание компании. Она знала, что человек сто из собравшихся в большом зале ее ненавидели, примерно столько же не любили, а остальным на нее было плевать – среди приглашенных на новогоднюю вечеринку было много людей из региональных офисов, они знали ее как генерального директора, богатую, холеную и красивую стерву из анекдотов и мифов о жизни столичных небожителей...

После курантов она попрощалась с заместителями и скрылась в своем кабинете, чтобы переодеться и взять кое-какие личные вещи, прежде чем уехать домой. В комнате отдыха, примыкавшей к кабинету, она скинула туфли, налила в стакан виски, закурила, повернулась к двери и тотчас вспомнила, что забыла закрыть кабинет, но было уже поздно.

Эти мужчины ничего не забыли – надели лыжные маски, заперли дверь кабинета и комнату отдыха. И действовали решительно, быстро и грубо, наверняка зная, что кричать она не станет. Она не кричала и не сопротивлялась, хотя они обошлись с нею жестоко, пытаясь унижить как можно больше.

– Ты знаешь, за что, – сказал на прощание тот, что был выше остальных. – Теперь мы квиты.

И ушли, растворились в огромной праздничной толпе.

Она сидела в кресле, вся растрепанная, потягивала виски, курила и смотрела в окно на ночную Москву. Конечно же, она не знала, за что. Но, разумеется, она знала, что за дело. А за какое – уже не важно.

За двадцать лет она многим испортила жизнь, особенно в девяностых. Дважды она чудом избежала смерти от пули наемных убийц, начальник ее охраны погиб при взрыве машины, в которой должна была находиться она. Так что случившееся в комнате отдыха можно считать везением – могли и убить. Конкуренты так и сделали бы. Значит, эти трое из тех сотрудников компании, которых когда-то она лишила бонусов, вышвырнула на улицу или отправила в тюрьму за воровство. Она никогда не останавливалась перед крайними мерами, если речь шла об интересах компании. Беременная жена, маленькие дети, старики-родители, болезни, долги – любые доводы, которые использовали провинившиеся, на нее не действовали. Она давно поняла, что сила – в холоде, и никогда не поддавалась чувствам, а потому и не ошибалась. За это приходилось платить, и к этому она тоже была всегда готова. Потому и сейчас не копалась в прошлом, чтобы понять, кто эти трое и за что они ей мстили. Она не копалась в прошлом и не пыталась понять, кто это сделал и за что, но слезы текли из глаз, текли и текли...

Зазвонил мобильный телефон.

Тина опустилась на колени, достала телефон из-под кресла.

Это был Савва Колдун, он всхлипывал и мямлил.

– Наташа умерла, – сказал он. – Умерла моя Наташенька...

– У тебя есть деньги?

– Откуда, Тиночка... все ушли на операцию...

– Хорошо, – сказала она, – денег я дам.

– Мне же ноги отрезали, Тиночка, – сказал Савва. – Обе ноги по колено. Ни Наташи у меня теперь, ни ног. Вот кому я теперь такой нужен, безногий-то?

– Никому, – сказала Тина. – Завтра приеду.

И выключила телефон.

Приняла душ, надела все новое, сунула в мешок рваное белье и одежду, вызвала такси, сняла деньги в банкомате, выкурила сигарету на крыльце, села в такси – у водителя на карточке было написано имя Хайрулла – и уехала в Новое Маврино, прижимая к глазам платок, потому что слезы потекли снова...

Отец погиб в аварии на Сторублевом повороте, в километре от города, там, где двухполосная дорога ныряла в лес и делала крутой поворот направо, а потом резко сворачивала влево. Если водитель вовремя не сбавлял скорость, машина запросто могла вылететь через низкое ограждение в озеро, плескавшееся слева у насыпи, а встречная оказывалась в болоте, которое лежало справа ниже уровня озера. Водители часто нарывались здесь на штраф за нарушение правил дорожного движения, составлявший в хрущевские времена сто рублей, и с той поры поворот и назывался Сторублевым.

Отец редко ночевал дома, таскался по каким-то притонам, жил то у одной пьяницы, то у другой, пытался устроиться на работу, но его уже не брали даже грузчиком в магазин на окраине, даже землекопом на кладбище, иногда уезжал в деревню к своей матери, которая гнала самогон, возвращался трясущийся, заикающийся, жалкий, просил прощения на коленях, потом снова напивался какой-нибудь тормозной жидкостью или стеклоочистителем, и вот, в очередной раз возвращаясь из деревни на попутке, он погиб, и на его могиле выросла тыква...

Наталья Ивановна была маленькой, худенькой, робкой, рыжеватой, глуповатой, никогда не смотрела в лицо людям, всегда бегала как-то бочком, бочком, словно боясь потревожить кого-то. В церковь она не ходила, но к нечистой силе относилась с трепетом и на рынке не покупала ничего у женщин, про которых говорили, что у них дурной глаз.

Всю жизнь она боялась остаться одна, и вот теперь, после смерти мужа, страх ее усилился с каждым днем. Она плакала и жаловалась соседкам на жизнь, пока они не посоветовали ей сходить к Савве Колдуну.

Савва умел внушать доверие женщинам, особенно незамужним. Если девушка, засидевшаяся в девках, или вдова хотели узнать облик суженого, они шли к Колдуну, и он, выслушав их мечты или истории об одинокой жизни, рисовал портрет того, кто может составить женское счастье. Запирался в комнате и рисовал. Всю ночь из-за его двери доносились стоны, вздохи и матюки, художник с кем-то разговаривал, что-то шептал, кого-то как будто уговаривал, с кем-то как будто ссорился, но наутро представлял заказчице портрет идеала. Образ мужчины всегда полностью совпадал с желаниями женщин, и даже если потом они выходили замуж за человека, не похожего на идеал, это не подрывало репутацию Саввы. Даже в таких случаях женщины бережно хранили картинку и рассказывали всем и каждому о провидческом даре художника и волшебной силе искусства: «Уши совсем не похожи. И нос. Да и рост не тот, это правда. Но глаза-то, глаза – угадал!» Этого было достаточно, чтобы заказчицы не жалели о потраченных деньгах. Поговаривали, впрочем, что мужчины, имевшие виды на вдов, тайком приплачивали художнику за то, чтобы портреты были ближе к правде ожиданий, но Савва отвергал все обвинения в коррупции. Известен он был также и нетрадиционными методами лечения, гаданием на картах и умением изгонять бесов.

Был он тощий, неопрятный, седой, жил в запущенной халупе на краю оврага, но его боялись, к нему ходили, ему несли деньги, а если не было денег, без колебаний позволяли ему все – такова была сила магии. Несколько раз ревнивые мужики устраивали ему темную в овраге, но делали это так, чтобы он их ни за что не узнал: они его тоже побаивались.

Все в городе были удивлены, узнав, что Савва вдруг взял да и переехал к Наташке Стариковой, к этой рыжей безгрудой дурочке. С ним ведь сама Таисия Непряхина – призовая грудь, задница, бедра – консультировалась насчет своей бездетности раз пять или шесть, а он предпочел ей тощую рыбешку Наташку. Чудеса. Не иначе она его чем-нибудь подпоила – в аптеке ж работает, знает толк в таблетках...

Многие нарочно ходили в аптеку, чтобы посмотреть на Наталью Ивановну. А она изменилась. Стояла за прилавком прямо, бесстрашно смотрела в лицо покупателям. Старушки, приходившие в аптеку за *энапчиком* и *ношпочкой*, часто пытались поделиться с провизором подробностями своих жизней, жаловались на мужей, невесток и детей. Наталья Ивановна выслушивала их теперь с полуулыбкой – на улыбку старушки обижались – и говорила приятным голосом: «Следующий».

Но через несколько месяцев Савва заскучал, стал все чаще вспоминать призовую грудь Таисии Непряхиной, и Наталья Ивановна поняла, что удержать она его сможет только одним способом, и отдала ему двенадцатилетнюю дочь.

Той ночью Тина побывала там, где еще никогда не бывала даже во сне, и не знала, по каким правилам там живут, каким богам молятся и чего боятся. Она была не такой уж маленькой и глупенькой, чтобы не понимать: о случившемся нельзя рассказывать никому, об этом

следует молчать, об этом лучше даже вообще не думать. Но все это было таким огромным, таким темным, что утром – Савва еще спал – она спросила у матери:

– Он меня любит?

Мать растерялась.

– Мы оба тебя очень любим... и я, и Савва...

Тина снова спросила:

– Он любит меня?

– Любит, – сказала мать со вздохом. – Он любит тебя больше жизни... больше, чем меня... только помалкивай об этом, поняла? Если откроешь рот, я тебе его зашью. – Выдернула из оконной рамы швейную иглу с ниткой и поднесла к губам дочери. – Вот так, раз, раз – и зашью. Поняла?

Тина кивнула.

Это продолжалось четыре года.

Все желания Тины удовлетворялись сразу, без вздохов и ахов. Она всегда была хорошо одета, и у нее всегда было вдоволь вкусной еды.

Она быстро выросла, и вскоре мать стала стелить себе в гостиной, если Савва хотел провести ночь с Тиной.

За эти годы она научилась многому, чему мог научить ее зрелый мужчина, но не страстности. Ложилась, вставала, садилась, раздвигала, сжимала, переворачивалась, глотала, но проделывала это бесстрастно, только дыхание учащалось.

Иногда Савва жаловался сожительнице на холодность ее дочери, но тут уж ничего поделать было нельзя: Тина действительно ничего не испытывала во время секса, ничего не переживала, потому что смерть переживать нельзя.

В школе она училась по-прежнему лучше всех, но отношения со сверстниками у нее разладились: они не могли понять, почему она стала такой ледышкой и недотрогой, а ее тошнило от языка, который еще недавно их объединял. Для них слово «мрак» было словом, а для нее мраком. Она была пушечным ядром, летящим сквозь рой бабочек. Мертвым чугунным ядром.

Ростом и статью она выдалась в отца, и мужчины поглядывали с интересом на высокую длинноногую девушку с налитым телом, темно-русыми волосами и синими глазами.

Чем ближе было окончание школы, тем настойчивее мать уговаривала Тину остаться дома, не ездить в Москву:

– У нас тут и техникум культуры, и медицинский, и педагогический – на любой вкус. Да и аттестат ты получишь в шестнадцать, все равно год придется ждать, а в техникум и в шестнадцать возьмут.

Но Тина хотела в Москву.

– Поступлю на подготовительные курсы, а потом в университет.

– А деньги? Это сколько ж денег надо!

– Дадите.

– А где жить будешь?

– У тети Оли.

И Наталья Ивановна умолкала под насмешливо-мрачным взглядом дочери.

Тетя Оля была гордостью семьи. Старшая из трех сестер, самая красивая и умная, она с отличием окончила университет, стала женой офицера, родила сына, а после гибели мужа в Афганистане снова вышла замуж, на этот раз за профессора, и жила теперь в огромной квартире на улице Кирова, в двух шагах от Кремля. Правда, последние два года она болела, почти не вставала с постели, и средней сестре Кате, медсестре с большим опытом, приходилось за ней ухаживать.

Эта средняя сестра, Катерина Ивановна, была семейным демоном, злым и проницательным, и Наталья Ивановна ее побаивалась. Катерина Ивановна могла догадаться о Тине и Савве, поэтому, если сестра приходила в гости, Наталья Ивановна отсылала дочь подальше.

Весной, когда до выпускных экзаменов оставалось несколько дней, случились два происшествия, которые изменили судьбу Тины.

До мужа призовой Таисии – Петра Непряхина, хоть и с большим запозданием, дошли слухи о связи его жены с Колдуном. Он подстерег Савву вечером у оврага и выстрелил из охотничьего ружья. Колдуна доставили в больницу, а Петра посадили в кутузку. Наталья Ивановна бросилась в больницу, а призовая Таисия – к начальнику милиции. На следующий день состоялось совещание у постели Колдуна, после чего Савва написал заявление, в котором рассказал, как они с Петром, оба пьяненькие, заспорили о том, кто лучше стреляет, стали вырывать друг у дружки ружье, оно случайно выстрелило, чего в жизни не бывает, а Петр не виноват. Уголовное дело закрыли, Петра выпустили из кутузки, а вечером Таисия принесла Наталье Ивановне большой бумажный пакет с деньгами. В городе говорили, что после этого Таисия каждую ночь навещала начальника милиции, пока его жена не вернулась из Сочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.